

18+

ТЕР-АБРАМЯНЦ АМАЯК

Я УМЕР В НАХИЧЕВАНИ

РАССКАЗЫ

Амаяк Тер-Абрамянц

Я умер в Нахичевани. Рассказы

«Издательские решения»

Тер-Абрамянц А.

Я умер в Нахичевани. Рассказы / А. Тер-Абрамянц —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980363-4

События прошлого и современности, годы войн, годы мира, причудливо переплетаются, как нити восточного ковра, образуя из рассказов неотрывно связанное повествование.

ISBN 978-5-44-980363-4

© Тер-Абрамянц А.
© Издательские решения

Содержание

Генерал	6
Я умер в Нахичевани	7
Отцовская шинель	11
Свет в окне	13
Царская медаль	16
Возводящий мосты	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Я умер в Нахичевани Рассказы

Амаяк Тер-Абрамянц

© Амаяк Тер-Абрамянц, 2020

ISBN 978-5-4498-0363-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гаизнан

Генерал

Генерал лежал в тени чинары на ковре, подперев голову рукой, и думал. Он не заметил двоих оборвышей, проникших в сад через лаз, одному из которых суждено было стать моим отцом. Но любопытным мальчишкам не было позволено слишком долго наблюдать национального героя, спохватившийся телохранитель вытолкал их взашей. Однако в памяти отца таким генерал и остался. Задумчивым. Случилось это в городке у подножия Зангезурского хребта, в который вошла его добровольческая конница.

А думать генералу было о чём. Ему пошёл уже шестой десяток, из которых двадцать шесть лет он вёл неравную борьбу за спасение армянского народа. А этот народ убивали везде, в разных концах древней страны, задавленной как камнями кровавыми веками. История назначила его быть спасителем армян 26 лет лет назад после того как при родах умерла его молодая жена и младенец сын. После того как он ударил турецкого жандарма в ответ на оскорбление и был за это брошен в тюрьму, из которой бежал. Тогда он сменил мотыгу крестьянина на кинжал, винтовку, шашку, браунинг, динамит... 26 лет войны...

Люди видели в нём единственного, кто может спасти и со всех концов страны неслись именно к нему крики, взывающие о помощи. И он помогал, внезапным манёвром проламывал вражеское окружение то там, то здесь, давая возможность спасения. Но он не мог одновременно быть повсюду!

Да, он оставался единственным, кому ещё верил народ, кто не связан с политическими дрязгами и предательством.

Повсюду проникал зловонный дух предательства, трусости и глупости, Шаумян звал к себе, Дро к себе, лукавый генерал Томпсон уговаривал не идти на Карабах... Но он давно понял, что не желает быть ни с какой политической организацией, партией, которая диктовала бы ему как поступать, не позволит кому-либо использовать его имя и драгоценную добровольческую конницу, для своих узких партийных и политических целей. Он был ответственен лишь перед своей совестью и Богом, перед народом.

И как ушёл Андраник? – спросил я Сергея Маркряна. Шёл 1979 год. Москва. Сергей был светлоглазым белокожим шатеном и потому считал себя чистокровным армянином, арийцем. А каждый армянин в той или иной степени историк. Хотя по специальности Сергей был врач кардиолог, научный сотрудник кардиологического центра. Мы стояли в пивбаре «Ладья» на Пушкинской и пили пиво.

– Он ушёл непобеждённым, ушёл в Эчмиадзин, сдал католику Грикору имущество отряда, бойцов распустил...

Я подумал тогда, выходит, если бы Андраник не прорвал окружение вокруг назначенной на гибель деревни отца, я бы тут не стоял и не пил пиво! Меня бы просто не существовало. Это мне показалось странным и даже удивительным – не существовать! Вот этого мира, который я ощущаю вокруг себя, его бы не существовало?

Я хлебнул светло-жёлтое пиво, ощущая его речной дух и холод. Под арочными сводами пивбара шумели хмельные витии. А мне уже казалось не менее удивительным, что я вот здесь стою и пью пиво, что я мыслю, двигаюсь, чувствую – живу!

Прошло 40 лет с того разговора с Сергеем. Но именно тогда я отчётливо осознал связь времён и событий.

Я умер в Нахичевани

Всё произошло неожиданно.: грохот копыт, крики и облако пыли до неба, в котором мелькали лошадиные морды, папахи всадников, чужие друг другу ноги, руки, лица, тени, то знакомые, то незнакомые лица с наполненными бессмысленным ужасом глазами... И никого из своих...

Десятилетний Левон стоял один на сельской улочке. А ведь всего минуту назад они сидели дома на приготовленных для бегства мешках, уже готовые покинуть дом... И пожилой покорно опустивший плечи отец, и крестящаяся мать с гордым профилем, и два брата, и сестра... И не было только Луйса, жеребца, которого ему подарил отец полгода назад и на котором он проскакал едва ли не все окрестности, забыв о церковно-приходской школе и карающих розгах Тер-Татевоса: то будет в туманном, как сон потом, а сейчас вот это журчанье ручья, тихий хруп пасущегося Лусйа, белесое небо с орлом нарезающим круги над невидимой жертвой...

Обнять бы в последний раз, надёжную тёплую шею... Левон тихо сполз мешка, проскользнул в полукрытую дверь, шмыгнул через двор и оказался в сарае, где в прохладе жевал свой корм Луйс и возбуждающе пахло свежим лошадиным потом. Надо торопиться: Левон обнял жеребца за шею, почувствовав, как глаза стали лажными: «Прощай, друг, прощай, ахпер!» Жеребец к слегка повернул к мальчику голову, с нежным карим глазом, обрамлённым белесыми ресницами, и тихо заржал. Мальчик поцеловал его в теплую ноздрю и, разжав руки, бросился вон.

Какого же было его изумление, когда в доме он не обнаружил ни одной души! – ни отца, ни братья, ни матери, ни сестры —будто ветром сдуло: даже мешки, аккуратно прошитые материнской рукой оставались нетронутыми... Никого! Тогда он бросился на улицу и увидел огромное облако пыли: бегство было стремительным и хаотичным.

Уже не раз после ухода русских войск Левон слышал из разговоров взрослых о неизбежном вторжении в Нахичеванский уезд регулярных турецких войск, которым были готовы помогать в резне окружавшие армянский анклав из 14 деревень соседние азербайджанские сёла. Но несмотря на то, что урожай скорее всего достанется врагу, обычные крестьянские полевые работы не прекращались. Может потому что работа сама по себе хоть как-то отвлекала людей от мрачных мыслей.

Взрослое население вечерами под чинарой перед тысячелетней церковью озабоченно, но бесплодно обсуждало сложившееся тяжёлое положение. Все ложились спать и вставали с сознанием неизбежности нападения и поголовной резни.

И то и дело приходилось слышать: « Эх, если бы Андраник!..Генерал кач Андраник!..»

С самой колыбели Левон слышал это почти сказочное имя героя в неравной борьбе с турками, в которой генерал не потерпел ни одного поражения.

Но легендарный Андраник со своей добровольческой конницей находился довольно далеко, в Каракилисе, и едва ли сумеет и успеет пробиться на помощь и местному населению и приходилось возлагать надежды лишь на свои собственные весьма слабые неорганизованные силы. Все ждали сообщений когда и в каком направлении идти, но пребывали в неведении.

Но неожиданно утром, едва забрезжил рассвет и появились солнечные лучи, стало известно, что Андраник со своими войсками преодолел все преграды и с тяжёлыми боями пробился в Нахичеванский уезд и прорвал вражеское кольцо для спасения армян...

2

Пыль на дороге от пройденной конницы и ног бегущих оседала, и Левон обнаружил, что на другой стороне улицы стоит старый учитель Симон в старой городской шляпе и сморит

на него светлыми прозрачными глазами. Симон был худ, сутул, в городском потёртом костюме, седые слегка курчавые волосы достигали плеч.

– Бежать тебе надо, Левон! – сказал Симон и не двинулся с места.

– А вы?.. – размазал слёзы по щекам мальчик.

– Мне нельзя, – ответил учитель, у меня здесь есть ещё дела...

Он вообще слыл в деревне странным после приезда из Нахичевани, где закончил реальное русское училище. У Симона во дворе в полнолуние ночами мальчишки собравшись нередко и рассматривали ночное светило. Желтоватая пятнистая

Луна казалась совсем близко, над самой крышей. Стоит руку протянуть.

– Варпет, она на лаваш похожа!

– Варпет, а что там за самое большое пятно?

– Это, дети, армянское море, – усмехался Симон, закуривая трубку.

– Больше Севана?

– Да.

– И больше Вана?!

– А вода в нём пресная?

– Нет, дети, солёная – от всех армянских слёз... А посреди остров храмом, где хранит святой Маштоц буквы нашего алфавита... А охранят остров наши великие полководцы — Вардан Мамиконян, Ашот Железный, Тигран Великий и богатырь Гайк...

Мальчишки не раз слышал эту историю от Симона, но она им не надоедала.

– А турки там есть?

– Нет, дети, это счастливые места, где всегда мир и покой, где селяне трудятся, не боясь за свой урожай, поэты сочиняют стихи, художники рисуют море и горы, а музыканты извлекают из дудука новые звуки. И стоят по берегам этого моря двенадцать армянских столиц, как новенькие. А ну посчитаем? – и он начинал загибать пальцы, – Эребуни-Эривань, Тигранокерта...

– Двин, Арташат!! — нетерпеливо подсказывали мальчишки.

– Армавир, Ани... -загибал пальцы Симон, и соревнование продолжалось...

– Багаран!

– Ервандашат!

– Ширакаван!

– Карс!

– Вагаршапат!

– Ван, Ани!!

– Уже говорили, говорили!..

Симон стоял на улице и не двигался.

Внезапно послышался топот копыт и показался всадник на гнедом жеребце.

– Спасайтесь, – крикнул он, – турки в деревню входят... – малый, хватай лошадь за хвост!

Левон вцепился, что было сил, за хвост жеребца и началась бешеная скачка...

3

А Симон повернулся и пошёл между домов к деревенскому кладбищу.

Уже пылали первые дома в деревне, когда Симон присел у двух хачкаров – отец и мать здесь покоились.

Вспомнилась поговорка вдруг: работать в Баку, жить в Тифлисе, умирать в Армении... и усмехнулся: так и его жизненный цикл прошёл. После Нахичевани устроился бухгалтером на фирму Нобеля в Баку, чтобы денег скопить. Баку город восточный, грязный, многонациональный. Нефтяные вышки, потные тела, запах керосина... Суровый город, выбрасывающий слабых... Когда четыре года прошло и денег показалось достаточно, поехал в Тифлис жениться. Песни, цветы, рестораны! Всё здесь радовалось жизни и умело радоваться! И он влюбился

этот город, в природу, влюбился в Карину и был близок к счастью, когда молодой грузинский князь увёз её на фаэтоне в неизвестном направлении, и по всему видно не без её согласия, и не без родительского по спокойной их реакции, явно предпочёвших богатого князя полунисшему бухгалтеру.

Так Симон вернулся в родную Нахичевань на радость присмотревшим для него невесту родителям. Устроиться на работу с его знанием русского языка в Нахичевани не предстояло туда. Кроме того он давал желающим уроки русского языка в церковно-приходской школе и материально не нуждался. Хуже обстояло с женитьбой: было немало приличных невест, но от всех он отказывался: скорее всего, был однолюб. А может быть из-за какого-то внутреннего упрямства перед судьбой подсовывающей ему слишком банальные варианты. Так или иначе, отстаивая свою человеческую самость, проводил он в мир иной сначала отца, потом мать, сестра и брат обзавелись своими семьями и отдалились.

Да, Баку хорош чтобы работать... А две другие такие близкие и такие разные станы... Грузия, цветущая едва ли не всеми дарами земными, с её радостными песнями, открытостью характеров — будто для радости жизни создана. И Армения с её каменной суровой землей, требующая от крестьянина напряжения всех сил, пустыня, замкнутость армянского характера и даже некая тяжеловесность? И почему всё же умирать лучше в Армении? Только ли потому что в Армении лучше умеют хоронить покойников, как с усмешкой однажды сказал отец? Нет, в Армении нет ни одного одинакового хачкара и нет нигде такой обнажённой молитвы как у Нарекаци и печального звука дудука... Армения создала культуру приближенную не к земным прелестям, как в Грузии, а к самой грани человеческого существования... Симон ещё и ещё проводил рукой по цветам, ветвям и птицам на хачкарах родителей.

Ничто не повторяется...

Он слышал конский топот за спиной, кто-то его грубо спрашивал, угрожал, но он не встал и не оглянулся, да и зачем?

Да, мы ближе к Богу! – подумал он, и свистнула сталь...

4

Прошло несколько десятков лет. Левон чудом спасся один из всей семьи, изгнанной из родных мест с запретом новой властью всем армянам возвращения, и погибшей от голода и тифа. Он даже плохо понимал, как это произошло: десятки раз оказывался на краю гибели. Он хотел реже вспоминать годы нищенства, сиротства и бегства на крыше вагона в Россию. Здесь у него появилась откуда-то неуёмная жажда учиться.

А теперь он известный на весь город хирург, прошедший войну до Берлина, у него была двухкомнатная квартира в пятиэтажке, русская жена и десятилетний сын отличник и пионер. О своём детстве он ничего никому не рассказывал; да и к чему было сыну знать о тех ужасах, которые больше не повторятся? Да и к чему было рассказывать о прошлом, ворошить межнациональную распрю, что грозило обвинением в национализме, едва ли намного мягким чем самое страшное «измена родине», в то время, когда великая партия с трудом перемешивая страну формировала новую нацию советских людей, которым прошлое лишь мешало и было объявлено, что подлинная история начиналась с исторического нуля — семнадцатого года!

Да и сын никогда не спрашивал отца о прошлом: его поглощали приключенческие книги, учёба, уроки музыки на недавно купленном пианино «Беларусь», предстоящее вступление в комсомол... Лишь иногда ночами раздавался страшный утробный вой и стоны. Отца будили..

– Что, что тебе снилось? – спрашивал сын.

– Ничего! – упорно твердил Левон — Ничего. – из сознания быстро испарялись столбы пыли, оскаленные лошадиные морды, бессмысленные ужасом глаза и ощущение неминуемой гибели..

– Ничего, ничего- повторял отец и снова засыпал.

Светило солнце, операция прошла успешно и Леон Павлович бодро шагал по алее вдоль проспекта Революции. На углу его пятиэтажки недавно открылся магазин «Галантерея и парфюмерия» – галстуки, запонки, булавки, иголки, одеколоны «Шипр», «Краная Москва», дешёвые духи... В общем хозяйственная мелочь. Левон зашёл и стал рассматривать витринку перед прилавком. И среди настольных бюстов Ленину, Карлу Марксу, фарфоровых балерин и слоников, матрёшек и копилочек в виде кошек и собак Левон вдруг увидел гипсового изящного жеребёнка. Таких изделий наша промышленность ещё не выпускала и это была пробная серия...

Скоро коробочка с жеребёнком оказались в кармане Левона.

Дома он вытащил жеребёнка и поставил на пианино.

Это что? —удивился сын.

– Красивый! —ответил отец.

Сын лишь единственную живую лошадь видел —унылую старую клячу, иногда таскавшую телегу тряпичника, который одаривал мальчишек за старую изношенную одежду, сковородки и всякое барахло серебрястыми оловянными кольцами с пистонами.

Кроме того совсем не сочеталось: лошадиные копытца на лаковой поверхности пианино.

– Лучше убери, – посоветовал сын. —Или отдай мне в игрушки.

– Нет, пусть стоит —отец стал переодеваться в домашнее.

– А это зачем? —прошла вернувшаяся из продуктового магазина жена. —Может на книжный шкаф лучше переставить?

– Луйс будет здесь, – ответил Левон.

Отцовская шинель

Моему отцу необыкновенно повезло во время войны, которую он прошёл от Ленинграда до Берлина: с 1941 – 1945 годы он не убил ни одного человека! Судьба распорядилась так, что в силу своей профессии хирурга он должен был исполнять работу противоположную сути войны: не лишать жизни, а уводить от смерти. Уверен, за годы войны он поставил на ноги не менее дивизии. Выжил чудом, даже не был серьёзно ранен, хотя десятки раз был на волосок от смерти: и под Мгой, и на Невском Пятачке, и на Невской Дубровке и в Шлиссельбурге, куда его по простреливаемой немцами день и ночь Неве не раз командировывали... и под бомбёжками, когда гибли его помощники от осколков, а операцию приходилось продолжать... Он никого не убил, хотя был один случай, когда был готов стрелять: не в немца – в своего...

Когда армия наступает, медицинские части от медпункта до медсанбата, естественно, расположены позади передовой, но когда армия отступает, а тем более разбита и бежит, о них вспоминают в последнюю очередь и они остаются беззащитными перед наступающим противником. Так случилось в те дни, когда немцы под Мгой замкнули кольцо блокады Ленинграда и, прорвав оборону, немецкие автоматчики вышли прямо к земляной щели, в которой располагался полковой медпункт. В крытой земляной щели с двумя выходами скопились раненные, медсёстры, сандружинницы, врачи офицеры, среди которых был мой отец, начальник медпункта. Отойти без приказа означало трибунал с однозначным приговором – расстрел. Тем временем в один из выходов немцы стали швырять гранаты. Изгиб щели позволял укрыться от осколков, но воздух так раскалился, что трудно стало дышать. Положение казалось таким безнадежным, что некоторые офицеры, памятуя устав, по которому пленение приравнивалась к измене родине, доставали личное оружие и себе в голову... Кое-кто пытался всё же, движимый безумным инстинктом самосохранения выскочить наружу, но падал обратно, сражённый автоматным огнём. Но случилось чудо, короткое затишье: то ли немцы перезаряжали обоймы, то ли передислоцировались, двигаясь к Неве: неожиданно к ним в земляную щель прыгнул солдат с перевязанной рукой и передал приказ начальства отступить.

Отец рассказывал обо всём этом не раз, как человек, пытающийся вспомнить и связать обрывки кошмарного сна. Подхватив раненых, солдаты, медсёстры и офицеры стали разом по четыре-пять человек выскакивать из дальнего выхода... Из ближайшего кустарника, метрах в ста, трещали автоматы и слышались крики: «Рус! Рус! Сдавайся!». Бежали к Неве, но то, что увидели, было похоже на преддверие в ад: весь берег усыпан трупами и ранеными нашими солдатами. И жуткий предсмертный вой стоял: «Не бросайте нас! Спасите! Спасите!». Этот вой он вспоминал с содроганием не раз. Бывало, жутко стонал, нечеловечески завывая во сне, – видно возвращалась его душа на тот берег Невы (о кошмарах своих он никогда не рассказывал). А возможно, душа падала в детство, когда жители их армянской деревни выходили из окружения и, часть семей не успела – турки перерезали тропу. И тоже слышались крики и вой обречённых: «Спасите! Спасите!».. (оставших согнали в сарай и сожгли заживо). Солдаты, обезумев от страха, бежали к мосту, что был поодаль. Через Неву шли катера переполненные ранеными, и вода тут и там взвивалась гейзерами от взрывов немецких снарядов. И в криках раненых на Неве ему, наверное, слышались и крики обречённых в далёкой Армении его страшного детства. И тогда он приказал солдатам остановиться и грузить раненых на подошедший катер, но вдруг увидел злобные взгляды, руки, тянущиеся к оружию: пуля в спину тебе, офицер, и никто никогда не станет разбираться. «И тогда я был готов стрелять в своих, – хмурился он, вспоминая, – достал свой тэтэ... отступил, чтобы всех видеть...»

Отец в обычной жизни был человеком скромным, многожды жизнью уже битым и очень осторожным, а тут что-то случилось, стал грозить... Он заставил солдат заполнить катер ране-

ными под завязку, и тот отвалил к другому берегу Невы, виляя между вспенивающимися воду разрывами немецких снарядов.

Встретились им на этом берегу и остатки роты капитана Дерзияна, человек 50. Земляк! Но не до расспросов было. Несмотря на ситуацию, капитан был бодр активен и организовал отход к железнодорожному мосту. Капитан сказал, что мост уже взорван нашими сапёрами, но через дыру переброшены доски – может повезёт... И лишь на миг встретившись глазами с отцом, сощурившись, усмехнулся, сказав: «Эх, где же наша солнечная Армения?!» Все кто остался в живых, подхватывая раненых побежали к мосту. Пока поднимались по насыпи, немецкий пулемёт изрешетил отцу полы шинели (он потом всю войну таскал её, наотрез отказываясь менять на новую). Иногда я думаю: ну возьми этот пулемётчик на миллиметр выше, и не было б ни отца, а значит меня и не писал бы я этот рассказ... Что это: случай? Провидение?.. танец Шивы?.. Таких моментов в жизни отца, когда надо было сходу попасть в игольное ушко судьбы, ведущее от смерти к жизни было множество... будто судьба хранила, может, чтобы по максимуму раскрутить перед ним свиток человеческих зверств и мучений...

Потом бег через мост, да ещё пытались удерживать раненых. Доски шатались под сапогами, и то и дело срывался кто-нибудь вниз, с криком летел, развевалась длиннополая шинель, чтоб навсегда уйти в суровые Невские воды. И высоты отец боялся, как большинство, а тут прошёл – как: неведомо...

И помнил отец тот миг, когда поразило безразличное спокойствие и живописность северной природы к тому, что творили меж собой люди: медленно плывущие облака по синему небу, стекло воды, жёлтая плакучая листва на берегу...

Добравшись до лесочка на другом берегу, где телеги ждали раненых, рухнул на землю и проспал сутки. А как только проснулся – к особисту: «Был приказ отступить?» – «Был...» Судьба его хранила до конца войны, даже не ранило, а может прошитая пулями шинель?..

Свет в окне

В детстве я всегда с нетерпением ожидал Нового года. Мы жили в двухэтажном доме напротив больницы, где работал отец. Уже запустили в космос Белку и Стрелку, и шаловливые мордочки лаек глядели с обложки «Огонька». Я любил играть облигациями, которыми родители получали часть зарплаты, а Таллин еще не взял на буксир безликие пятиэтажки Мустамяэ, и его готический силуэт не взломали прямоугольники небоскребов «Виру» и «Олимпии».

В новогоднюю ночь Дед Мороз всегда приносил мне подарки, странным образом совпадавшие с моим «Хочу, хочу», громко звучавшим в «Детском мире» накануне праздника (мама уверяла, что у нее не хватает денег, и покупала какой-нибудь пустяк мне в утешение). Но это повторяющееся совпадение не казалось удивительным: Дедушка Мороз должен был догадаться о моем желании – это было также естественно, как сказка с добрым концом. Не было странным и то, что Дед Мороз в голубой шубе и с белой ватной бородой говорил нарочито басистым, но очень знакомым голосом и приход его всегда совпадал с отлучкой мамы к соседям по какому-то крайне неотложному делу. Мир взрослых был высоким и незыблемым, каждое слово их являлось истиной или тайной.

Незадолго до праздника в углу большой комнаты поселялась елка, небольно, дружески покалывающая любопытные пальцы. На всем белом свете не было ничего прекраснее и таинственнее хрупкого блеска игрушек среди вознесения дремучих ветвей.

Отец укрывал пол и крестовину под елкой пушистой ватой и начинал мастерить из бумаги домик с окошком. Между широкими кистями происходило с простой бумагой что-то непонятно сложное. Змеились под смуглой кожей вены сильных и ловких рук хирурга, сверкали ножницы, хрустели листы. Как я завидовал его умению строить домик! В стене он прорезал ячеестое крестьянское окошко, помещал свое творение среди ватных сугробов под нависшей тяжелой зеленью хвои, проводил в него лампочку от батарейки, и домик среди снегов мгновенно оживал, радостно вспыхивая квадратами окна.

– Э-ге-ге! – посмеивался отец. – Вокруг снег, мор-роз, а в домике тепло, уютно... – ...
А за окном шел настоящий, сырой таллинский снег...

– А там есть люди? – спрашивал я.

– Конечно, лесник чай пьет...

– А мы к нему постучим.

– Тук-тук...

– Тук-тук и спрячемся, ладно?

– А он как выскочит, с одним зубом, палкой размахивает: «Кто там? Кто там?..»

Тут я всякий раз заливался смехом, хотя слышал эту историю не впервые – очень уж мне смешным казался этот старик с одним зубом, длинной палкой в руках и почему-то в моем воображении всегда в какой-то нелепо большой шапке.

– Ха-ха-ха, с одним зубом!

– С одним зубом, – подтверждал отец. – Как закричит: «А ну, кто там, вот я вас, проказники!» – и я снова смеялся.

А домик светил иллюзией покоя в человеческой судьбе.

Когда я подрос и мне купили краски, отец иногда вместе со мной пробовал рисовать – и всегда одно и то же: домик, что-то похожее на украинскую хату, с колодезным журавлем, темная ночь и горящий в оконце уютный огонек. Позже я узнал, что, рано потеряв родителей, отец долгое время скитался по Украине. «Беспризорник...» – он всегда хмурился, когда рядом звучало это слово. Потом были подвалы, общежития, казармы, землянки, какие-то углы в коммуналках... И на всю жизнь сохранилась привычка где придется стряхивать пепел «беломорины», без которой не мог жить и получаса. Через все детство я помню эти случайные горстки

пепла то на столе, то на подоконнике, в раковине и даже на ковре (теперь в моей памяти они возникают скорбными вешками жизни его Поколения, отметинами невысказанных мыслей, неосуществленных надежд, потерь).

И лишь сейчас, мне кажется, я разгадал природу любви отца к этим огонькам. Детство его закончилось примерно в том возрасте, когда я еще верил в Деда Мороза. В том страшном восемнадцатом году Армения, казалось, испытывала последние предсмертные судороги. Черной ночью деревню, где он жил с родителями, оцепили турецкие аскеры и азербайджанские мусаватисты, и на рассвете должна была произойти поголовная, без различия пола и возраста, азиатская резня. На всю жизнь он запомнил вой, который стоял в деревне в ту ночь. Были люди, собаки, ревела скотина, и невозможно было отличить голоса одних от других в едином стоне обреченности перед ужасом небытия.

Но вдруг забрезжило спасение. Оно явилось в образе некоего перса, который за золото пообещал провести людей в горы: он знал еще не перерезанную аскерами тропу. На Востоке любят золото особенной любовью. И перс получил столько золота, сколько мог унести – серьги, монеты, кольца...

Перед уходом расставили на крышах горящие керосиновые лампы, чтобы издали казалось, будто деревня обитаема.

Безмолвная вереница людей. Последний взгляд перед тем, как их поглотят черные горы. Возможно, именно эти ночные огни покинутых жилищ и остались в памяти девятилетнего мальчика стойким впечатлением внезапно, навсегда утраченного мира и уюта!

Ушли все, кроме одной полубезумной старухи.

– Мне смерть не страшна, – сказала она, – я святая!

Не раз пытался себе представить: притихшая деревня, догорающие керосиновые лампы на крышах, худая, скрюченная и страшная, как смерть, старуха, сжимая крест на груди и шепча беззубым ртом слова молитвы, идет одна по пустынной улице навстречу надвигающимся всадникам...

Они облили ее керосином и сожгли живьем.

В ту новогоднюю ночь мама никуда не отлучалась. Вместе с нами была моя няня, Полина Ивановна, коренастая сухощавая женщина с твердокаменным характером, которая все еще часто приходила к нам. В сознании моем она была и осталась «бабушкой», и называл я её просто «Ба».

Полина Ивановна куда-то засобиравалась.

– Ба, – спросил я ее, – ты куда?

– Да к соседям я.

– А к кому?

– Да к Номикю, я недолго. – Номик был большой мальчик с нашего двора, к родителям его иногда заходила

– Ты, правда, скоро придешь? А то не увидишь Деда Мороза!

– Приду, приду, скоро, – сказала она и вышла. Я в нетерпении ожидал Деда Мороза, повторял стишок, который должен был продекламировать ему перед тем, как получить подарок, очень боялся сбиться. А перед глазами маячил серый игрушечный крейсер, на который в последнее наше посещение «Детского мира» у мамы не хватило денег. Этот деревянный крейсер можно было бы пускать по настоящей воде в корыте, или даже в море, когда мы поедем летом купаться в Пириту. Отец тем временем размещал домик среди ватных снегов. Раздался стук в дверь.

– А вот и Дед Мороз! – воскликнула мама и побежала открывать.

На этот раз Дед Мороз был не такой, как раньше, – не в голубой, а в красной шубе, да и росточком поменьше, но когда он заговорил, я закричал от восторга, узнав совсем не измененный, не умеющий ломаться голос со знакомой хрипотцой.

– Ма, да это же Ба!

– Да нет же, – уверяла мама смеясь, – это Дед Мороз, только голос у него похож на бабушкин.

Я в недоумении, задрал голову, смотрел на Деда Мороза – как будто все в порядке: белая борода, шапка, глаза, хоть и похожие на бабушкины, но без очков... И вдруг между воротником и шапкой я увидел нечто такое, что разом решило все мои сомнения.

– Уши! – обрадованно закричал я. – Бабушкины уши! – и радостно обхватил красную шубу. Действительно, эти небольшие круглые уши с комковатыми мочками невозможно было перепутать ни с какими другими.

– Да нет же, нет, – смеялась мама, – бабушка у соседей.

Дальше, однако, все шло своим чередом. Заикаясь от волнения, я прочитал какой-то стишок и получил в награду желанный подарок: серый длинный крейсер с орудийными башнями, трубами, сиренами и даже спасательными шлюпками. Он стоял на полу, вполне готовый к походу.

Дед Мороз как-то уж очень быстро ушёл.

– Ну мне пора, пора, – говорил он, ретируясь, так знакомо окая.

Отец зажег огонек, в домике засияла розетка окна, свет проникал через полупрозрачные бумажные стенки, но я вдруг представил, что там, внутри, ничего нет, кроме лампы и ваты, и мне неожиданно захотелось эту пустоту кем-ни-будь заселить.

Мы усаживались у маленького, как ожившая фотография, экрана нового чуда того времени – телевизора «КВН». Вернулась бабушка.

– Ба, это была ты? – спросил я ее.

– Да нет же, я к Номику ходила.

– Нет, это была ты, ты была, теперь я знаю, настоящего Деда Мороза нет! – объявил я торжественно, и пусть все утверждали обратное, я так и остался непоколебимо уверенным в своем открытии.

Это была первая тайна взрослых, разгаданная мною в жизни.

Царская медаль

Про эту дедовскую медаль отец вспоминал не раз. «А где же она?» – спрашивал я. – «На хлеб выменяли, когда стали беженцами». Дед был волостной писарь и член волостного суда. На таких чиновниках работающих непосредственно с народом держалось всё здание Империи. И был он награждён за исключительную честность и аккуратность. Что только не входило в обязанности писаря! – Это не просто уметь красиво выводить буквы армянского и русского алфавита, читать присылаемые родными и знакомыми письма по просьбе сельчан, писать от их имени: составление ведомостей о видах на урожай, о движении народонаселения, количестве рогатого скота и лошадей, о взыскании податей, доклады о поставке лошадей в войска, проведении воинского призыва, доведении до населения правительственных циркуляров и т. д. и т. д. Работал по воспоминаниям отца до поздней ночи. Кроме этого Левон Арутюнович был избран сельчанами членом волостного суда, в ведение которого входили такие дела как споры и тяжбы между крестьянами об имуществе, входящем в состав крестьянского надела, любые имущественные споры между лицами, подведомственными суду (крестьянами волости и мещанами, приписанными к волости), ценой до 300 рублей; за исключением исков о праве собственности, основанных на крепостных актах (то есть нотариально заверенных), имущественные иски к крестьянам волости до 300 рублей от посторонних лиц, если эти лица сами избрали для процесса волостной суд, дела по наследованию имущества крестьян (по наследованию наделного имущества – без ограничения стоимости, по наследованию прочего имущества – в пределах 500 рублей). А также в ведение волостного суда входил целый ряд пунктов, иные из которых современного человека могут удивить: это административные правонарушения и мелкие уголовные дела (законодательство Российской империи объединяло их под названием «наказаний, налагаемых мировыми судьями»).

Волостной суд был полномочен выносить решения по следующим обвинениям, но только при условии, что наказанием был выговор, арест на срок не более 15 дней (за кражу, мошенничество, мотовство и пьянство арест мог быть до 30 дней) или штраф на сумму не более 30 рублей: слушание полицейским и другим стражам, их оскорбление, порча выставленных по распоряжению властей объявлений, объявление чего-либо во всеобщее известие без надлежащего разрешения, распространение ложных слухов (!), ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство, нарушение порядка в публичных собраниях, открытие в недозволенное время трактиров, появление в публичном месте в состоянии явного опьянения (!), бесстыдные и соединенные с соблазном для других действия в публичном месте (!), причинение домашним животным напрасных мучений (!), предоставление жилища для распития крепких напитков, устройство запрещенных игр, прошение милостыни, по лени и привычке к праздности (!), допущение к прошению милостыни детей (!), засорение рек, каналов, источников и колодцев, несоблюдение правил о чистоте и опрятности на улице, своз палого скота и мусора в неназначенное место, постройка или перестройка здания без дозволения, повреждение мостов и переправ, препятствование проходу и проезду, устройство печей и чистка дымовых труб без соблюдения правил, несоблюдение правил обращения с огнём и хранения горючих масел, неявка на пожар, там где это установлено, порча воды, служащей для употребления людей, приготовление и продажа вредных для здоровья напитков и съестных припасов (!), хранение и ношение запрещенного оружия, стрельба из него, допущение опасности для посторонних от домашних животных, неосмотрительная скорая езда в селениях (!), неприставление подпор к ветхим заборам, перевоз людей в ветхих и худых лодках, нанесение обиды, на словах или действием (!), грубость против нанимателя и его семейства (!), разглашение сведений с целью оскорбить честь, угроза насилием или убийством (!!), насилие, но без нанесения тяжких побоев, отказ в доставлении нуждающимся родителям пособия (!), срывание плодов и овощей, сбор ягод и грибов

на чужих землях, но не в виде кражи, рыбная ловля в чужих водах, охота на чужой земле, проход и проезд, прогон скота через чужие необрушенные луга и поля, пастьба скота на чужих землях, умышленное повреждение чужих канав, убой и изувечение чужих животных, присвоение найденных денег и вещей, необъявление о них (!), покупка заведомо краденых вещей (!), прием в заклад от нижних чинов казенных вещей, кража на сумму не свыше 50 рублей, обмер и обвес на сумму не свыше 50 рублей, охота в запрещенное время, нарушение рабочим договора найма, мотовство и пьянство, приведшие к разорению хозяйства (!), те, кто не мог заплатить штраф, могли в добровольном порядке отсидеть арест, из расчета 2 рубля за день. У нас вызовут некоторое удивление и даже недоумение такие пункты, ставшие в нашей жизни, увы, обычными явлениями, как появление в публичном месте в состоянии явного опьянения, грубость, бесстыдные и соединенные с соблазном действия в публичном месте (интересно, что подразумевалось в те времена под бесстыдными действиями и не вошло ли многое из них в наш современный быт. мини юбки, например), срамословие, причинение домашним животным напрасных мучений (!) несоблюдение правил о чистоте и опрятности на улице (без дворников таджиков Москва бы утонула в мусоре), нанесение обиды, на словах или действием (мат мы слушаем ежедневно), угроза насилием или убийством (без этого – ссора-не ссора!), отказ в доставлении нуждающимся родителям пособия присвоение найденных денег и вещей, необъявление о них (то есть если ты и не крал!), покупка заведомо краденых вещей (нас не удивляет то, что темные личности на улице то и дело предлагают нам за пол цены купить краденый ноутбук или ещё что-нибудь, разные ларьки с удовольствием принимают краденые мобильные телефоны), кража, обмер и обвес...

Может ли быть так, чтобы мы испытывали чувства глубокой приязни и симпатии к людям, которых никогда не видели и не увидим на этом свете, к людям от дня гибели или смерти которых нас отделяет столетие? У меня есть такой человек – мой армянский дед волостной писарь Нахичеванского уезда Левон Тер-Абрамянц. Когда я вспоминаю о нём, то чувствую вокруг и в себе мягкое дружественное тепло. Может быть так подаёт мне знак его душа. И вот я решил приостановить свои дела и разобраться по тому немногому, что я знаю, что это был за человек и почему меня такое чувство, чувство его присутствия посещает. В нём тёплая радость и чуть-чуть печали недосказанности, не случившегося – не случившихся тёплых душевных бесед полных человеческой мудрости, наивного удивления изменившимся миром – впрочем, надеюсь, они впереди... Сквозь все катастрофы прошла лишь одна фотография на паспарту с его изображением и то в группе крестьян и крестьянок у гроба убитого злодеем соседом мальчика за нечаянно разбитое в шалости стекло, красивое лицо которого ещё не тронуло разложение смерти. Дед выше окружающих. Дед стоит в ногах гроба, одетый, как и все крестьяне – картуз с узким лаковым козырьком, глухая, до подбородка не то рубаха, не то куртка без пуговиц, (толстовка?) лицо простое, с крупными мягкими чертами, смуглое, совсем крестьянское, но глаза, напряжённо устремлённые в объектив, будто страстно вопрошают: «Где справедливость, где Бог?» В этих глазах душа сострадающего. Итак, что я знаю о нём, о его жизни в период до Катастрофы? На фото он уже выглядит не молодым, лет пятьдесят, наверное, по нашим меркам возраст не такой уж преклонный, по меркам прошлого – подступы к старости. Родился он в селе Айлабад Нахичеванского уезда Эриванской Губернии, что на самом берегу Аракса и в трёх километрах от Нахичевани, в семье армянского священника Арутюна Тер-Абрамянца. Арутюн Тер-Абрамянц был человеком не бедным, хотя и крестьянского труда не гнушался: кроме виноградника и сада был в его собственности небольшой лесок, а дерево в тех засушливых практически не знающих зимы почти безлесных местах было великой ценностью. Но высшей его ценностью был родник, ибо в тех местах вода воистину была на вес золота. Огороды и сады орошались прорытыми канальчиками с водой, за использованием которой бдительно следили, и не было страшнее греха, чем ночью перенаправить воду от сада соседа себе. За такое воровство убивали и, кажется, такая расправа в этих местах

не вызывала у людей возмущения ибо все понимали, что вода – это жизнь. До сих пор помню, с каким удовольствием отец пил обычную воду в жаркий день из стеклянного графина в подмосковном Подольске, несмотря на то, что с тех пор как он покинул те места миновало более полувека и большая часть жизни его прошла среди лесов и болот средней полосы, в России и Эстонии.

О прадеде моём человеческая память донесла, что он был головой четырнадцати армянских деревень. Жена умерла раньше его, он жил вдовцом и последние годы жизни любимым его занятием было питье вина вприкуску с рафинадным сахаром, бывшим в то время деликатесом. Иногда он пытался избавиться от этой привычки, отдавая ключи от подвала с каррасами, в которых томилось вино, слуге Нико со словами: « Как бы я ни просил к вечеру ключи, не давай их мне, иначе – уволю!» Наступал вечер и Арутюн принимался ходить за слугой, выпрашивая ключи, сначала по-хорошему, но рано или поздно доходил до кипения: „Если сейчас же не дашь ключи – уволю!“ и бедный слуга был вынужден нарушать утреннее расписание хозяина. Умер прадед в 1906 году на родной земле в собственной постели. У него осталось пять уже вполне взрослых и самостоятельных детей. Три сына – Левон (мой дед), Арам, Мамикон и две дочери.

Судя по тому, что мой дед на фото выглядит на пятьдесят, а фото произведено до Катастрофы 1915 – 1921 годов, родился он примерно около 1865 года. Закончил высшее реальное училище на русском языке в Нахичевани и получив назначение волостного писаря, поселился в селе Шихмамуд.

Село Шихмамуд (уже азербайджанское) я видел из окна автобуса, который перевозил московских туристов уже после событий в Сумгаите. Мы были, наверное, последними туристами из России в этих краях: через какие-то полтора месяца в Армении произошло страшное землетрясение, здесь началась война и коммунистами слепленный из великой Российской Империи Советский Союз стал разваливаться. Белые домики вдали на фоне театрально живописных невысоких голубых гор с крупной крутой, напоминающей зуб горой справа, в стороне – выбивающаяся из общего горного пейзажа, но придающая тем самым ему индивидуальность – Змеиная Гора. Женился дед Левон на Софье Абрамовне Масумовой девушке из многодетной семьи. В этой женитьбе вряд ли было много романтического, страстного, для наших предков брак был делом слишком серьёзным, чтобы его полностью отдавать на откуп чувству, скорее брак здесь был по взаимной симпатии, взаимоуважению и практическому расчёту на здоровых детей с учётом минимума обеспеченности, и возможности физического выживания. Мой отец вспоминал о матери (моей бабушке Масумовой): „Мать была среднего роста, обладала красивой внешностью, тонкими правильными чертами лица и стройной слаженной фигурой. Грамоте обучалась в объеме трехклассной армянской церковно-приходской школы. Она прекрасно владела искусством кройки и шитья, а также художественным рукоделием, которым обучилась сама, наблюдая за работой других женщин. Мать отличалась строгим характером и энергичностью, умело руководила всем семейством. Несмотря на свою молодость, она умело и успешно выполняла все виды работ домашнего хозяйства полусельского уклада нашей жизни. Здоровье её было слабое – постоянно донимали кашель, который особенно усиливались по вечерам, и боли в суставах. Медицинской помощи тогда однако на территории волости не существовало: каждый лечился сообразно различным советам знахарей и шаманов.“ Положение волостного писаря давало гарантию постоянного „куска хлеба“. Сейчас, во время сплошной грамотности, наверное, не просто представить себе роль писаря в то время. Деда моего, как свидетельствует отец, „все уважительно величали мирза Левон (мирза – по-персидски писарь). Он был постоянно погружен в свои служебные обязанности. Человек он был скромный, характера мягкого и добродушного. К спиртным напиткам питал органическое отвращение – даже в гостях обходился от рюмки натурального виноградного вина. Среди большинства сельских жителей за отцом утвердилась репутация ученого человека, владеющего

как устно, так и письменно, армянским и русским языками. Одновременно с признанием его достоинств существовало распространенное мнение, что он совершенно лишен практичности, способности к любой другой работе, кроме писарской. “ Это был, по всему судя, тип сельского интеллигента, честно исполняющего свою работу, много читающий выписываемые журналы и газеты. Поделиться своими отвлечёнными, далёкими от практической жизни села мыслями ему было не с кем, и он только ходил по дому взад и вперёд, будто над чем-то размышляя, и, наконец, останавливаясь, глубокомысленно произносил, одобрительно, осуждающе или будто чему-то удивляясь: „Да-а-а!“ . Внутренний мир имел для него, видимо иной раз даже большее значение, чем внешнее окружение. Об этом свидетельствует необычная его рассеянность: по должности он носил кольт, но нередко забывал его в гостях и оружие приносили ему домой. Уважением и авторитетом односельчан он пользовался особенным и честности человек он был необыкновенной. Как-то волостной суд, рассматривал дело. Юноша из бедной голодающей семьи украл два бревна. Хозяин брёвен, богач, настаивал на уголовном наказании юноши. Возник горячий спор. Наконец, богач объявил: „Хорошо, тогда пусть будет так как скажет Тер-Абрамянц!“ Левон Тер-Абрамянц подумал и сказал: „А я бы ему эти брёвна подарил!“

Из воспоминаний отца: „В нашей семье было пять детей: из них две девочки – Сирануш и Айастан, трое мальчиков – я, Амаяк (отец, попав в Россию изменил своё имя на Павел), Цолак и Сурен. Все мы родились в селе Шихмамуд. Среди детей я был третьим по счету – родился 5.12. 1909г. По возрасту сестры были старше, а братья младше меня. Своим озорным поведением я много тревог и забот доставлял своим родителям. За проделки от отца получал словесные замечания, а от матери чаще физические меры внушения. Практические результаты этих различных методов воспитания были ничтожны. В селе Шихмамуде я с 7 до 9 лет учился в трехклассной церковно-приходской школе, где преподавание велось на армянском языке священником Тер-Татевосом. На уроках по невнимательности и недисциплинированности был вне конкуренции. В особых случаях Тер-Татевосов весьма чувствительно потчевал меня по голове линейкой или другим плотным предметом. При отсутствии элементарного прилежания арифметика, чтение и «письменность» еле давались мне. Еще хуже усваивал Закон Божий, домашние задания не выполнял. Дома никто не следил за ходом моих занятий. Однажды в конце первого года учебы, желая повторить пройденный материал, я просматривал свою тетрадь и к моему удивлению в ней ничего не смог понять. Для меня оказалось неожиданным и отсутствие какой-либо последовательности в тетрадных записях. В них не было ни начала, ни конца. Обнаружилось, что каждый раз открывая тетрадь, писал на первом попавшемся чистом листе, в одном случае сверху вниз, в другом – снизу вверх. Убедившись в безнадежности разобраться в чём либо, я оставил тетради и призадумался. Мать, наблюдая за мною, заметила моё необычное состояние, взяла тетради, перелистала страницы и взволновано сказала, что я превзошёл всех мудрецов и вряд ли кто из них окажется в состоянии истолковать что в них написано. В результате, при всём уважении к отцу, я был оставлен на второй год в первом классе.“ „Но следующий год был не удачней предыдущего; успеваемость продолжала оставаться весьма и весьма низкой. После двухлетнего пребывания в первом классе с натяжкой был переведен во второй. Теперь я помню, что мои знания тогда заслуживали следующих оценок: арифметика – 2, чтение и письмо – 1, Закон Божий – полная неспособность. Однажды в конце учебного года отец мой при мне спросил учителя относительно моей успеваемости. Тер-Татевосов ответил: «Три пишем – два в уме!» Однако, добросердечный Левон купил своему девятилетнему сыну, поддавшись на его просьбы, прелестного жеребца. Мой отец рассказывал, какая для него это была радость: он всячески ласкал и ухаживал за ним и целыми днями скакал на нём по улицам и окрестностям. И, глядя на это, Левон Тер-Абрамянц только вздыхал: «Пастухом будет!». И в голову ему прийти не могло, что безалаберный мальчик станет когда-то блестящим хирургом. «светилом медицины», учёным... Жизнь и смерть непредсказуемы. А любовь к лошадям сохранилась в нём навсегда. «В Шихмамуде родители сни-

мали жильё, покупали муку, из которой пекли хлеб – покупали лаваш, мясо, овощи, фрукты и т. д. Из домашних животных имели одну корову и две овцы. Насколько я теперь могу судить, при соблюдении строгой экономии жили в среднем достатке. В нашей семье между родителями я не помню громких конфликтов, тем более, непозволительной брани».

Крушение Российской империи было для деда крушением жизни. В 1918 году семья вынуждена была бежать из насиженных мест, спасаясь от физического истребления турками и соседями азербайджанцами. Мир стал другим. В войну и голод грамотность и культура становятся никому не нужными, в это время торжествуют звериные инстинкты выживания. В один момент уважаемый немолодой человек, отец семейства стал нищим беженцем, потеряв свой внутренний мир, впал в депрессию и превратился в беспомощного ребёнка, а все практические усилия по выживанию взяла на себя хрупкая женщина София, его жена. Они прошли пешком через многие армянские деревни, но далеко не всегда их встречали с сочувствием: в то время возникло дикое суеверие, рождённое животным страхом, что помогая беженцу, ты навлекаешь беду на свой дом. Два последующих года нищеты и беженства стали мучительным путём деда Левона к могиле: схоронив трёх детей и жену, он умер от тифа в Эриванском госпитале, и тело его было сброшено в общую могилу и залито хлоркой.

Из семьи выжили лишь сестра, которую муж увёз к себе в Луганск, да чудом выжил самый непослушный и озорник из трёх братьев (мой отец). Случайно ли?.. Отец совершил невероятное: из обречённого на голодную смерть беспризорника и сироты он стал уважаемым человеком, учёным, доцентом, «хирургом золотые руки». Но характер его был тяжёлым. В старших классах у меня некоторое время была привычка вставать из-за письменного стола, прогуливаться по квартире или садиться в кресло с восклицанием: «Да-а!», будто заключающим очередной абзац в тексте жизни. – Откуда у тебя это? – удивился отец, впервые услышав моё «Да-а!», – ты прямо как твой дед! В самом деле, откуда? Ведь в то время мне о деде абсолютно ничего не было известно! Иногда я думаю, что внутреннее духовное сходство и сродство передаётся не по прямой линии от отца к сыну, а через поколение. Отцы имеют деспотическую привычку видеть в сыновьях собственное продолжение, но сыновья стремятся к самостоятельности, они не хотят быть чьим-то продолжением, они желают быть самими иметь своё собственное лицо. Здесь заложена причина почти неизбежного расхождения интересов и даже отчуждения от родителя. К сожалению, взаимное отрицание отца и сына является, видимо, каким-то природным законом. Трудно представить более перпендикулярных во всём личностей, чем я и отец и, воздавая ему уважение за то многое, что он сделал в моей жизни, я тем не менее не чувствую исходящего с той стороны тепла, а вот со стороны деда, с которым в жизни не встречался, такое тепло чувствую! Странно! Впрочем, вся наша жизнь сплошная странность, сплошные парадоксы, то и дело ломающие линейную траекторию логики. В самом деле, взять даже отношение к Бахусу: прадед священник в этом плане, мне кажется, были близки. Конечно, отец прошёл войну, страшную Ленинградскую блокаду и всё же спиртное оказывало на него крайне негативное действие – он становился агрессивно непредсказуем, что порождало дома тяжёлую атмосферу. И не в этой ли черте прадеда кроется полный отказ деда Левона от спиртного? Было это причиной того, что будучи школьником я клялся не брать в рот спиртного, и в самом деле первый бокал шампанского я принял лишь на выпускном вечере. Конечно, в дальнейшем студенческая и московская среда привечали меня к выпивке всё чаще, но за редким исключением я не терял контроля над собой и никогда не выражал к окружающим агрессии. Да и моя тяга к литературному труду, написанию букв, к созданию внутренних миров не роднит ли меня больше с дедом, нежели с сугубо практическим складом отцовского ума? И если ты меня слышишь, дедушка Левон, я шлю тебе Привет!

Возводящий мосты

Перед новым годом приводил в порядок книжную полку, и вдруг из неё выскользнула старая, ещё советского времени, уже слегка поблекшая цветная открытка: древний армянский одноарочный мост через пенящийся распластанный по камням голубой поток. Небо армянское словно выцветший голубой плат, ни облачка, видны коричневые грубо обтёсанные камни кладки начала моста, изящная гладко отшлифованная арка над водою... Сразу почувствовался сухой жаркий воздух Армении, студёность потока от которой быстро, до ломоты костей немеют опущенные в него стопы, его сила, словно сваливающая борцовская подсечка по голени, имевшему легкомыслию перейти его, обманувшись впечатлением детской глубины... Перевернул открытку и прочитал: «Армянская ССР, Агаранадзорский мост, памятник архитектуры 13 века.» А сколько таких больших и маленьких мостов в горной Армении? И найдутся тысячелетние, которые служат до сих пор... Они такие же памятники архитектуры в этой стране как храмы и хачкары, немые свидетели древней истории. Они соединяли людей, без них не было бы государства. По ним проходил Великий Шёлковый путь, и их же нередко сотрясали копыта лошадей орд завоевателей, они вписывались в узор судеб человеческих и мира. Но прежде всего, увидев этот мост, я вспомнил старого мостостроителя Сурена Саркисовича Мэйтарчиана, его фиолетовый старенький берет, глубокие чёрные мудрые глаза и его необычную судьбу.

Было это на последних курсах медицинского института. Мама сняла мне комнату в Москве у милой пожилой пары – Сурена Саркисовича и Любовь Петровны Мэйтарчан. Был он старый мостостроитель на пенсии. Года полтора я у них прожил, если не больше.

Почти на окраине Москвы, за метро ВДНХ, на улице Докукина в белом кирпичном девятиэтажном доме на первом этаже в трёхкомнатной квартире: две комнаты смежные и одна с выходом на лоджию – отдельная, её то мне за совсем небольшую ежемесячную плату мне и предоставили. Хорошее место, тихое: весной и летом я спал с дверью открытой на лоджию, погружённый в законную свежесть. За лоджией стояла зелёная стена листвы, из-за которой изредка доносился свист тепловозов, проложенной недалеко железнодорожной ветки.

Любовь Петровна – приятная симпатичная женщина: старушкой не назовешь, несмотря на пенсионный возраст и морщинки – довольно бодрая с карими лучистыми глазами. Сурен Саркисович – невысокий, чуть склонный к полноте человек, лет ему было уже за семьдесят. Ходил с палочкой, старчески шаркая. Смуглолиц, черноглаз, с абсолютно голым плавно-неровным черепом, который покрывал, выходя на улицу в магазин, фиолетовым дешёвым беретом. Небольшой нос без армянской горбинки (у чистокровно русской Любовь Петровны нос с гораздо большим правом мог бы претендовать на армянский – он был с горбинкой, впрочем, которая вовсе не портила женщину, а добавляла ей нечто аристократическое).

Иногда на кухне мы с Суреном Саркисовичем пили чай из стаканов с тяжёлыми металлическими подстаканниками, беседовали. Сурен Саркисович был мостостроитель, в прошлом известный в Москве и в стране: по его проектам были построены Ново-Арбатский мост (за который он и получил эту квартиру, избавившись, наконец, от коммуналки), Северянинский путепровод, автомобильно-троллейбусную эстакаду, соединяющую улицу Остоженку и Комсомольский проспект. Много он потрудился и по стране: Акмолинский мост через Ишим в Казахстане, мост через Днепр в Запорожье, мост через Волгу, соединивший Саратов и Энгельс... – всего списка я не знаю, даже дочь не всё помнит. От него я узнал, что на всех мостах имеются мемориальные доски с именами их проектировщиков и строителей. Даже хотел посетить какую-нибудь, но так и не собрался из-за элементарной лени. Но самой большой гордостью и самой большой печалью Сурена Саркисовича был метромост в Лужниках. Одноарочный, изящный – смело перекинута белая дуга через Москву реку. Проект, глянувшийся более других тогдашнему главе государства, Никите Хрущёву... Я ездил по нему довольно

часто. А уже начинали говорить, что мост не выдерживает нагрузок и начинает трескаться, постепенно разрушаться. «Ах, – вдыхал сокрушённо Сурен Саркисович, – соли не доложили в бетон!». Так из-за несоблюдения технологии, что, увы, у нас не редкость, мост пришлось на время закрывать, укреплять дополнительными опорами, достраивать, перестраивать, впрочем уже после ухода в мир иной его создателя.

Родился Сурен Саркисович в 1901 году в армянском селе Нор-Баязет. Гораздо позже я прочёл замечательную книгу Пикуля «Баязет». В ней описывалась героическая оборона русскими войсками города и резня местных армян за то, что они сочувствовали русским. И хотя город остался в русских пределах до революции, видимо, часть уцелевших после резни жителей решили переселиться в места подальше от турок и жутких напоминаний, основав на берегу чистого, как Божья слеза высокогорного озера Севан подальше и повыше от всех бед земных свой новый (нор) Баязет. Занимались, в основном, сельским хозяйством и Сурен Саркисович вспоминал, как хотелось по молодости спать, когда с первыми лучами солнца приходилось выезжать на лошади в поля на сенокос и другие работы, как никогда в жизни.

Костистый светло-шоколадный череп без бороды и усов... он невольно напоминал турка до тех пор, пока не приподнимались обычно полуприкрытые морщинистые веки, открывая тёмные глубиной в тысячелетия милосердные армянские глаза, которые ни с какими другими не спутаешь.

– Когда турки были недалеко, наши старики решили защищаться. Где-то нашли две старые пушки и поставили их на площади – усмехнулся Сурен Саркисович. Но турки в тот раз прошли стороной, ниже, сжигая другие деревни и убивая людей.

Была у них дочка Наташа, на вид лет 30-ти (а на самом деле сорок), музыкальный преподаватель. Она тоже время от времени приезжала к ним ненадолго. Симпатичная, какими обычно бывают метисы и метиски, очень похожая на Любовь Петровну, но в каком-то восточном варианте. Муж талантливый физик на каких-то испытаниях загадочно погиб. Его в семье Мэйтартчан все Ванечкой звали и вспоминали с ласковой грустью – это от него большая часть библиотеки осталась – к моему восторгу оказалась, даже, с запрещённым тогда Шопенгауэром (впрочем, он у меня не пошёл). Зато помнятся чудесные биографии академика Тарле о наполеоновских министрах Фуше и Талейране. Нередко книгу можно было увидеть и в руке Сурена Саркисовича и тайное изумление молодости чуть шевелилось на самом непросветлённом днище душевном: «Неужто в таком возрасте может ещё интересоваться что-то такое далёкое?».

Хорошо помню один вечер. За окном было темно и шумел дождь. Мы сидели, как бывало, с Суреном Саркисовичем на кухне и пили чай из стаканов с тяжёлыми железными подстаканниками. Он немного дольше обычного помешивал сахар в чае и, наконец, неуверенно произнёс:

– Я слышал, ты уже решил жениться?..

– Да, я решил, – немедленно ответил я, стараясь избежать тёмного милосердного взгляда. И чтобы отрезать болезненные для меня дальнейшие обсуждения (я давно уже сам жалел о проигранном сгоряча обещании) добавил, как гвоздь последний в крышку гроба вогнал:

– И потом... и потом я уже дал слово!

– Слово... – Мэйтартчан помедлил, будто что-то вспоминая, – Ты знаешь, а я тебя понимаю... Хотя было по другому...

– ?

– Мне было семнадцать лет. Тогда война с турками была – восемнадцатый год, резня армян... К нам в деревню агитаторы приехали, в армию звать. Записалось сорок человек и пошли до станции. Нас вёл офицер. Идти надо было пару часов, и всё это время рядом с нами ехал на телеге мой отец, стоял на ней и уговаривал, убеждал ребят вернуться.

Я представил себе тогда и часто представлял потом дорогу вдоль лазурного Севана, вереницу ребят и движущуюся рядом с ними телегу, на которой стоял старик, уважаемый староста деревни Нор-Баязет и говорил, вещал, бил в сердца, призывая молодых ребят вернуться домой. Упросить и умолить остаться всегда тихого и послушного сына ни ему, ни его жене не удалось. Тогда он решил действовать в обход. Отцу представилось, что если разагитировать весь отряд, то и сын вернётся, ведь сын не позволяет себе этого наверняка лишь от стыда перед другими... А знал он каждого из колонны, поимённо, знал их семьи – кто оставил стариков родителей, кто малолетних братьев или сестёр, кто невесту. Он знал, куда и как ударить больнее по каждому. Он обращался и ко всем, и к каждому в отдельности, Бил на жалость, говоря, что их уход обрекает любимых близких на тоску, непосильный труд, болезни и голод (деревне и так не хватает рабочих рук!), лукаво убеждал, что их смерть, желторотых и необученных, никому не принесёт пользы, а только убьёт их близких. Упрекал их в безжалостности и глупости. Наверное, это была самая красноречивая и образная речь в его жизни. И достаточно было одному самому слабому и бесстыдному присесть, например, сославшись, что натёр ногу, пообещав, что нагонит отряд «потом» (но никто не сомневался, что это хитрость и он вернётся в деревню), зато каждый подумал: «А чем его кровь слаще моей?». В такие моменты внутренней борьбы, страха перед неизвестностью, достаточно пустяка, чтобы весы перевесили в сторону старого, привычного, и с этого начался полный развал колонны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.